

Светлый путь [художественный фильм] / реж. Григорий Александров, Мосфильм 1940.

Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза ССР. М., 1936.

Sadowski J. Wołga, Wołga, czyli o semiotycznym potencjale mitologemu // Psychologia kultury – kultura psychologii: księga Jubileuszowa Profesor Haliny Grzymała-Moszczyńskiej. Katowice, 2018. S. 203–214.

УДК 94(470.5).084

Т. Л. Пантюхина

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Для прошедшего XX столетия характерен большой интерес к мифу как явлению культуры в связи с ростом его влияния на общественное сознание. Мифотворчество становится распространенным явлением. Постигать действительность мышление пыталось в образах. Идеологические мифы создавали образы альтернативной социальной реальности.

Ключевые слова: мифотворчество, мифологическое сознание, политическое сознание, политическое мифотворчество.

Мифотворчество является одновременно и процессом, и результатом мифологического освоения мира. Особенностью мифотворчества является конструирование различных форм конкретно-чувственной образности, которая дает человеку некий ориентир для подражания. Мифотворчество как конструирование образов оказалось реалистическим искусством, поскольку искусственное и сконструировало сам мир людей XX века. В этом смысле можно сказать, что эпоха мифотворчества как нераздельная часть культуры не ограничивается ни периодом становления человечества, ни самим XX веком.

Политическая культура – часть общей культуры, включающая исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение и политическое сознание как отдельных личностей, так и политических деятелей.

Политическое сознание человека начало формироваться еще в эпоху античности как ответ на реальную социальную потребность

в осмыслении таких новых явлений как государство, государственная власть, роль индивида в политической и социальной жизни страны, полис. Невозможно было говорить о гражданине как представителе античного общества без рассмотрения его политического сознания, формируемого им и обществом, в целом его мировоззрения.

Политическое сознание – это многообразные проявления человеческой духовности, отражающие деятельность механизмов политической власти и направляющие поведение людей в сфере политических отношений. Те или иные компоненты сознания приобретают политическое значение, когда от хода дел в регулируемой ими сфере социальных отношений в решающей степени зависит реализация социальных национальных интересов, целей, стоящих над государством [Пантюхина, Мифотворчество как тренд современной культуры, с. 103].

Политическое сознание тесно связано с политической мифологией, в которой можно заметить две тенденции. С одной стороны, связь современных политических мифологий с сюжетами классических мифов. С другой стороны, это вполне осознанное мифотворчество, впервые откровенно провозглашенное как необходимость во второй половине XIX века (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), а в наше время скрывающееся за такими политическими процессами как формирование общественного мнения, избирательные технологии, являющиеся, по сути, технологиями манипулирования общественным сознанием.

Таким образом, человек становится свидетелем совершенно нового явления, когда коллективное человеческое сознание оказывается в плену у мифов, созданных конкретными людьми. «Политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе, с. 56]. За любым политическим мифом скрыты конкретные интересы определенных лиц и групп, а сам миф стремится стать реальностью. В этом заинтересованы те лица и группы, которые миф используют как результат. Так, историк Фейнсод писал: «Большевики всегда стремились разрушить, бойкотировать или оклеветать любой орган, который не удавалось использовать или контролировать» [Fainsod, p. 51]. Петроградский корреспондент правой английской газеты «Дейли мейл» Томпсон в своей телеграмме от 19 августа 1917 г. отмечал: «Совет депутатов, чем ближе к выборам, тем более склоняется к большевикам, так как их теории, естественно, всего приятнее сердцу рабочих» [Повальников, с. 35].

Большевики Урала считали работу в Советах важным и ответственным участком идейно-политической и организационной борьбы по вовлечению рабочих, солдат и крестьян в революцию. Работы канадского историка Д. Кипа «Октябрь и революция», «Русская революция»

исследуют революционные события в русской провинции, выходя за пределы Петрограда. Не соглашаясь с тем, что события в провинции являются лишь «бледной копией событий в столицах», историк приходит к выводу: «В целом Советы были неоформленными и в высшей степени текущими организациями со слабо определенной структурой и властью [Кеер, р. 181, 184]. Рассуждая далее о революционных событиях, автор отмечает, что «на Урале повесть о Петроградском восстании упала на хорошо подготовленную почву, так как большевики контролировали около половины городских Советов». Однако, Д. Кип делает вывод о «сомнительности» большевистской «ориентации регионального (окружного) комитета» [Кеер, р. 195]. Западный историк не видит различий между руководящими органами Советов и партией большевиков. В то же время Исполком Екатеринбургского окружного Совета стал на большевистские позиции еще в июле 1917 г. Что касается Уральского областного комитета РСДРП (б), то он с момента создания в апреле 1917 г., естественно, стоял на большевистской платформе.

В. И. Ленин в статье «Из дневника публициста», оценивая мероприятия Екатеринбургского Совета, сделал вывод о необходимости изгнания соглашателей из советских органов, ибо «пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди изменники, что их надо прогнать... до тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии» [Ленин, Из дневника публициста, с. 132].

Ленин называл социализм «первой ступенью коммунизма». Идею коммунизма можно рассматривать как своеобразный политический миф. Молодой марксист Владимир Ульянов даже сформулировал четыре принципа социализма, которые включали запрет на частную собственность, ставку на крупное производство, уничтожение рынка, плановое управление экономикой.

Н. А. Бердяев, рассматривая марксизм как миф и как утопию, писал: «...Марксисты напрасно думают, что они могут обойтись без мифа, они проникнуты мифами... Марксизм не есть социальная утопия, возможен опыт реализации марксизма в социальной жизни. Но марксизм – духовная утопия... претендующая ответить на все запросы человеческой души именно потому, что он претендует победить трагизм человеческой жизни» [Кириллова, с. 149].

Политическая мифология не отражает реальность и не стремится ее объяснить, она призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. Политическая мифология должна оперировать не отвлеченными представлениями, а доходчивыми, визуально представленными образами («учение Маркса всесильно, потому что оно верно»). Она апеллирует не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям, к его личному психологическому

опыту. Политическая мифология становится важным средством консолидации общества и противопоставления «своих» и «чужих». Она дает человеку силы преодолеть житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. Так, партия большевиков выражала стремления масс – необходимость выхода из войны, передачи земли крестьянам, лишение буржуазии прибылей, введение рабочего контроля над производством и распределением благ. «...Мы твердо знали, – писал Ленин, – на основании опыта массовых выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону» [Ленин, О революционной фразе, с. 349].

Политическое сознание, будучи проявлением непосредственных интересов практической деятельности людей, в наиболее выпуклой и яркой форме отражает социально-экономическую основу жизни общества, которая в других формах общественного сознания имеет более опосредованное выражение. В этой близости к непосредственным экономическим интересам состоит специфика политического сознания.

Можно констатировать, что и сознание современного человека мифологизировано в том смысле, что ему присущи коллективное осмысление действительности через мифологические образы. Образам, в свою очередь, свойственна высокая эмоциональность, обладая которой последние способны повлиять на поведение людей. Современные мифы, и политические в том числе, могут создаваться обдуманно и планомерно для манипулирования массами, чему способствует развитие средств массовой информации [Пантюхина, Мифотворчество как состояние культуры, с. 118]. Политическое мифотворчество, которое формирует поведение и уклад жизни современного человека вне зависимости от его непосредственного участия в политической деятельности, является неотъемлемой частью нашей современной жизни и культуры.

Ленин В. И. Из дневника публициста // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1969. Т. 34. С. 122–132.

Ленин В. И. О революционной фразе // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 343–353.

Кириллова Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. М., 2005.

Пантюхина Т. Л. Мифотворчество как тренд современной культуры // Диалектика социальной реальности: российские и зарубежные тренды: коллективная монография. Брянск, 2015. С. 99–109.

Пантюхина Т. Л. Мифотворчество как состояние культуры // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2011. Вып. 7. С. 117–118 (Сер. Гуманитарные науки).

Повальников С. Иностранная печать о революции в России: По материалам Архива внешней политики России // Международная жизнь. 1967. № 7. С. 33–38.

Цуладзе А. Политическая мифология. М., 2003.

Keep G. October in provinces // Revolutionary Russia. Ed. by R. Pipes. Cambridge, P. 1968. P. 180–216.

Fainsod M. How Russia is Ruled. Cambridge, 1965.

УДК 94(470).084

О. В. Горбачев

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ МАТЕРИАЛЬНОСТИ К МИФУ¹

Целью статьи является выяснение того, как формировалась идея нового советского пространства в 1920-е гг. и почему к середине 1930-х гг. восторжествовал сталинский пространственный миф. Основным методологическим подходом автора является концепция «социального пространства», позволяющая увязать представления о пространстве с реальными процессами, происходившими в советском обществе.

Констатируется, что в 1920-е гг. на идею пространства последовательно влияли концепция «мировой революции», мероприятия национальной политики и проекты экономического районирования территории. Показано, как под влиянием политики индустриализации формировалась административная утопия овладения пространством. Подчеркивается принципиальное отличие этой утопии от будущего сталинского пространственного мифа.

Охарактеризованы основные черты советской мифологии пространства, сложившейся к середине 1930-х гг.; показана символическая роль географической карты, несущей не столько визуальную, сколько вербальную нагрузку, и в большей степени апеллирующую к категории времени, а не пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, территория СССР, политическое развитие СССР в 1920–1930-е гг., мифология пространства, граница, картографирование.

Значимость любой власти определяется характеристиками территории, в границах которой она реализована – размерами, степенью освоенности, возможностями контроля и защиты, а также приспособления для своих нужд. Большевики в этом смысле не были исключением. Особенность большевистского подхода к освоению пространства со-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)